

ховного обновления общества от простого численного прироста религиозных общин было бы самонадеянно. Слишком слаба культурная основа, низок уровень образования, мала степень осознанности мировоззренческого выбора новопроиспеченных «братьев» и «сестер». Ставить свечи в церкви сегодня просто модно, быть крещеным сегодня почти престижно.

Современное общество остро нуждается в нравственном очищении и покаянии. Как очиститься, перед кем покаяться? Где нравственные герои, пастыри и провидцы, которые бы вывели бывшего советского человека на свет Божий? Смогут ли семья, церковь, школа, средства массовой информации и все другие общественные институты, выполняющие образовательные функции, воспитать в нас «счастливую религиозность», как выражался Н.С.Лесков, то есть такую, которая бы мирила между собой веру с разумом¹².

Российский гражданин, собственно, никогда не жил в условиях свободы совести: то его пригвождали к догмам религии, то насильовали «научным атеизмом». Выйти из духовного подполья он может лишь при условии последовательного осуществления в обществе принципа свободы совести. Есть надежда, что демократические завоевания последних лет смогут излечить его от синдрома тоталитаризма и сформируют в нем потребность верить, надеяться, любить.

¹² Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. — М., 1958. — Т. 11. — С. 11.

Н.А.Исакова

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ СИМВОЛИЗМ: ЗНАНИЕ И ВЕРА

Рубеж XIX–XX веков знаменателен преодолением надменного отношения к средневековой культуре философов Просвещения, считавших, что средневековье – это «безвременье» и «темная година». В XX веке были все-таки устранены крайности прежних взглядов, и некоторые аспекты средневековой культуры заинтересовали современных мыслителей. Анализ феномена средневекового толкования и комментаторства показал, что уже в средние века зародился герменевтический метод. Идея второй реальности и ее скрытого присутствия в человеческих делах, вопросы о подлинной видимости реальности стали актуальны в XX веке, отправным пунктом для них стал средневековый символизм.

Средневековый символизм основан на символе как на смыслотворящей структуре. Символ не является ни знаком, ни копией, ни отражением вещи. Символ выступает одновременно как конструктивный принцип вещи и внешнее ее обобщение. Символ – живой знак вещи, «внутренне-внешнее» ее выражение. Христианская концепция мира как изделия (Лактанций, IV в.) предполагает законченность этого мира, его изготовленность, но в то же время мир, как вещь единая, бесконечно многообразен по Божьему изволению. Мир необходим и неизменен и поэтому тоже выступает как символ, так как является общим пределом бесконечного многообразия единичностей вещей. Из символа как наглядной явленности смысловой целокупности многообразия, а не как знака – подобия вытекают непреложность мира и чудо как существенный феномен этого мира. Средневековое чудо – новый смысл. Как только вещь раскрыла еще один смысл – чудо свершилось. Чудеса сменяют друг друга. Попытка символически обозна-

чить вещь – это стремление приблизиться к раскрытию истины. Подобная процедура возможна в творчестве, а значит, символотворчество имеет исследовательский характер.

Такое понимание символа определяет специфику средневекового символизма, который предстает как двустороннее явление: с одной стороны, монолит веры, постулаты которой для всех являлись основными правилами организации жизни, а с другой – знание, представленное в толкованиях, диспутах, комментариях. Средневековый комментатор Иоахим Флорский только и делал, что переворачивал и перетолковывал религиозные тексты, а результат – истина. Сам этот метод переворачивания перенесен из оккультных астролого-алхимических, магических знаний.

Средневековое знание – синтез различных форм учености: теоретических и практических. Магия и мистика – формы учености, преподанные в книжном и теоретическом слове. Алхимия имеет практический характер. Например, золото «спрятано» в шелуху тварного и несовершенного, но его можно оттуда извлечь, если следовать точно алхимическому описанию. Основа средневекового знания – рецепт. Он задал средневековому знанию ту структуру, которая станет универсальной базой для всех теоретических построений средневековья. Средневековый рецепт по природе своей двойствен: он – норма и индивидуальное мастерство. Эта двойственность помогла проявиться личностному началу в процессе совершенствования знания. Например, алхимия со временем стала не только практическим предписанием, но и произведением искусства. Алхимия – *Artifex* – ремесло-искусство, алхимик – *Artificium* – мастер-ремесленник. Средневековый рецепт преобразуется благодаря внесению элементов художественного творчества и артистизма исполнителя.

Все нормы знания – личности. Человек, занимающийся символотворчеством – личность. Комментатор – это философ-богослов, который излагает свое видение Священного писания. Участвующий в диспуте стремится доказать правоту своего понимания Слова Божьего. Это не просто пересказ священного текста, а доказательная интерпретация именно этого отдельного человека, *являющего* текст и вкладывающего свой смысл в него. Маг и мистик – личности неповторимые, а мистическое знание можно пересказать, но не перенять как рецепт. Вера не дает личностного начала в средние века. «Средневековая вера» – вера чисто коллективная. Только знание в этот период истории дает возможность каждому почувствовать, пропустить этот мир через себя. Вера задает каркас мироздания, а значит, позволяет каждому проявлять личную инициативу и раскрасить Вселенную в цвета, только ему близкие. В этом смысле символотворчество не только предполагает исследование, но и богоборчество.

Средневековый человек испытывал потребность познать самого себя и общество, к которому он принадлежал. В этой связи можно отметить прорыв знания в средневековую «социологию» и «антропологию». В XIII веке Бертольд Регенсбургский рассматривал общество как совокупность индивидов. Его проповеди не столько религиозны, сколько риторичны и обращены к каждому человеку в отдельности. Средневековый «пример» тоже был рассчитан на каждого, слушавшего его. «Пример» – наставление, а не воспевание подвига кого-либо. В центре «примеров» всегда находится человек, живший в прошлом или настоящем. Этот

человек участвует в событии, подлинность которого не опровергается, потому что средневековый человек настолько проникновенен, что никогда не станет отвергать многообразие всего существующего. В этом плане «пример» показывал поступок человека как новый смысл бытия человеческого.

Средневековый человек не только познает самого себя, но и стремится описать собственные чувства и состояние своего внутреннего мира. Средневековое знание описательно и выразительно. Жития святых соседствуют с такими произведениями, как «Исповедь» Августина Блаженного, «История моих бедствий» Петра Абеляра, «Утешительное послание к другу» Гвиберга Ножанского. Подобное сочетание свидетельствует о наличии в средние века биографий и автобиографий.

Таким образом, можно сделать вывод, что средневековый символизм – один из основных элементов средневекового менталитета. В свою очередь, символизм исходит из веры и знания, где вера выступает каркасом, основой мироздания, а знание дает возможность каждому почувствовать и пропустить этот мир через себя. Если вера по своей природе ограничена, то знание является синтезом различных навыков. Органическое сочетание знания и веры позволяет не только знать символы, но и творить смыслы.

О.В.Попова

ЗАПРЕДЕЛЬНАЯ МУДРОСТЬ БУДДИЗМА

Развитие буддийских гносеологических концепций имеет свою историю. В раннем буддизме еще не существовало специально разработанной теории познания. Это, скорее всего, было связано с тем, что основатель учения Будда, достигший состояния просветления, на метафизические вопросы своих учеников отвечал молчанием. Эти вопросы известны в буддизме как неразрешимые: вечен мир или он не вечен? Конечен мир или бесконечен? Тожественна ли душа с телом? Бессмертен ли познавший истину или он смертен? Будда считал такого рода вопросы бесполезными, так как решение подобных проблем не представляет никакой ценности в сравнении с той целью, к которой должен стремиться человек, а он должен стремиться к освобождению от страдания на основе возможности способностей разума.

Буддийское учение в целом направлено на сознание человека, на культивирование сверхтонкого состояния ума, наделенного даром мудрости. «В буддизме нет создателя. Абсолютный создатель – наш собственный ум»¹. Поэтому в иерархии «мысль – речь – поведение» роль первопричины принадлежит конструкциям разума. Отсюда обращает на себя внимание и тот факт, что истина в буддизме как бы уже задана, изначально известна в своих четырех ипостасях, предельно понятных каждому: жизнь – есть страдание; страдания произрастают из желаний и привязанностей в мире материальном; для освобождения от страданий необходимо обращение к так называемому восьмеричному пути, где, наряду с требованиями о правильном поведении и правильной речи, в первую очередь следует отметить значимость таких положений, как правильное видение, правильное мышле-

¹ Путь к себе. — 1996. — № 1. — С. 47.